

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 31го ОКТЯБРЯ С.Г.

В 7 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ

Б.В.ФАРМАКОВСКОГО
О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

вход свободный

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДЪЕЗД

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(К 100-летию создания российской
академической археологии)

DOI: 31.600/978-5-85803-525-1
УДК 930.26(081)
ББК Т4я4

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор ист. наук Л. Б. Кирчо; доктор ист. наук, профессор А. Н. Киртичников

Ответственные редакторы:

доктор ист. наук Ю. А. Виноградов; доктор ист. наук С. А. Васильев; кандидат ист. наук К. Н. Степанова

П78 **Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии).** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-525-1

Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из глав посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладogi и Рюрикова городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology). — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019. — 420 p.: ill

The book represents a collection of papers written by the leading scholars of the Institute for the Material Culture History, thus reflecting main achievements in archaeological investigations during the last decade. The volume consists of four parts. The first part includes contributions devoted to the problems of the initial peopling of the territory of our country in the light of recent discoveries at the Caucasus, the Taman Peninsula, Crimea, and the Arctic. The second part embraces a huge time span from the Late Stone Age to the ancient nomadic cultures (Xiongnu). The third part deals with the Classical antiquities of the Northern Black Sea region based on the results of the excavations at the Taman Peninsula. One of the papers is devoted to the activities of the scholars of the Institute in the study of Palmyra (Syria). The last part consists of papers devoted to the archaeological study of the Northwestern Russia, especially the exploration of two important urban centers of the region: Staraya Ladoga and Rurik's Hillfort.

The book is oriented toward archaeologists and historians.

На первой странице обложки:

Афиша лекции Б. В. Фармаковского в РАИМК в 1920 г. (рисунок Г. С. Верейского)

ISBN 978-5-85803-525-1

9 785858 035251

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии (В. А. Лапшин) 5

Глава I. В глубины доистории человечества

I.1. С. А. Кулаков. Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века	9
I.2. Е. В. Белыева, В. П. Любин. Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)	18
I.3. В. Е. Щелинский. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья	27
I.4. Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков. Новые данные о раннем палеолите Крыма	56
I.5. Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. К. Очередной. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.)	69
I.6. С. А. Васильев, А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских. Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край)	83
I.7. В. В. Питиулько. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики	103

Глава II. На просторах Евразии

II.1. О. В. Лозовская. Торфяниковая стоянка Замостье 2: некоторые итоги и перспективы исследований	139
II.2. Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, Л. Лонго, И. Е. Пантюхина. Современные трасологические исследования в археологии	157
II.3. В. С. Бочкарев. К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы	166
II.4. Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин. Сокровища наскального искусства Российской Арктики	171
II.5. А. В. Поляков, И. П. Лазаретов. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин	188
II.6. С. С. Миняев. Актуальные проблемы изучения сюнну	203

Глава III. Постигая классическое наследие

III.1. В. А. Горончаровский. Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.	211
III.2. С. В. Кашаев. Грунтовый некрополь Артощенко-2 (V–II вв. до н. э.)	230
III.3. Ю. А. Виноградов. Священный участок античного поселения Артощенко-1	254
III.4. Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв, Е. К. Блохин, Э. Э. Казаков. Пальмира во времени и пространстве	271

Глава IV. Славяне, скандинавы и финны на Северо-Западе России

IV.1. В. А. Лапшин. Изучение Старой Ладogi: итоги и перспективы	289
IV.2. Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская. Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси	303
IV.3. И. И. Еремеев. К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье	324
IV.4. А. И. Сакса. Выборг — город на перекрестке истории	348
Литература	379
Список сокращений	417

CONTENTS

Celebrating the jubilee: to the Centennial of the Russian academic archaeology (<i>V. A. Lapshin</i>)	5
---	---

Chapter I. In the deep human prehistory

I.1. <i>S. A. Kulakov</i> . The achievements of the Institute for the Material Culture History in the study of the Paleolithic of Caucasus in the late 20 th — early 21 st centuries	9
I.2. <i>E. V. Belyaeva and V. P. Liubin</i> . New data on the initial human settlement of the Southern Caucasus (Results of the fieldwork of the Armenian-Russian expedition in 2003 to 2018)	18
I.3. <i>V. E. Shchelinsky</i> . The first human settlement of the territory of Russia: the oldest Early Paleolithic sites in the Southern Azov Sea shores	27
I.4. <i>N. K. Anisiutkin and S. A. Kulakov</i> . New data on the Early Paleolithic of Crimea	56
I.5. <i>L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, and A. K. Ocherednoy</i> . New data on the chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (based on the results of fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)	69
I.6. <i>S. A. Vasilyev, A. V. Polyakov, P. B. Amzarakov, Y. V. Ryzhov, T. V. Korneva, T. V. Sapelko, G. F. Baryshnikov, N. D. Burova, E. Y. Giryva, and G. Y. Yamskikh</i> . Paleolithic Man in the piedmonts of the Sayan Mountains: the site of Irba 2 near Kuragino (the Krasnoyarsk region)	83
I.7. <i>V. V. Pitulko</i> . In pursuit of the time: searching for the initial human settlement of the Siberian Arctic	103

Chapter II. In the vastness of Eurasia

II.1. <i>O. V. Lozovskaya</i> . The peatland site of Zamostje 2: some results and research perspectives	139
II.2. <i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina, L. Longo, and I. E. Pantiukhina</i> . Contemporary use-wear studies in archaeology	157
II.3. <i>V. S. Bochkarev</i> . Considering the periodization of the Bronze Age of the Southern Eastern Europe	166
II.4. <i>E. M. Kolpakov and V. Ya. Shumkin</i> . Treasures of rock art in Russian Arctic	171
II.5. <i>A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov</i> . Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions	188
II.6. <i>S. S. Minyaev</i> . Contemporary problems in the study of Huns (Xiongnu)	203

Chapter III. Investigating Classical antiquities

III.1. <i>V. A. Goroncharovskiy</i> . The Semibratnee Hillfort (Labris) based on the data from the excavations of the Bosphorus expedition of the Institute for the Material Culture History in 2001 to 2009	211
III.2. <i>S. V. Kashae</i> . The graveyard of Artiuschenko 2 (5 th to 2 nd centuries BC)	230
III.3. <i>Y. A. Vinogradov</i> . The sacred place of the antique settlement of Artiuschenko-1	254
III.4. <i>N. F. Solovieva, S. L. Soloviev, E. K. Blokhin, and E. E. Kazakov</i> . Palmira in time and space	271

Chapter IV. Slavs, Scandinavians and Finns in the Northwest Russia

IV.1. <i>V. A. Lapshin</i> . The study of Staraya Ladoga: achievements and perspectives	289
IV.2. <i>E. N. Nosov and N. V. Khvoschinskaya</i> . The Rurik's Hillfort, an outstanding archaeological site of the Ancient Rus'	303
IV.3. <i>I. I. Eremeev</i> . Considering the Scandinavian agricultural colonization in Eastern Europe in the Early Middle Ages	324
IV.4. <i>A. I. Saksa</i> . Vyborg, a city at the crossroads of history	348

References	379
----------------------	-----

List of abbreviations	417
---------------------------------	-----

И.2. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ ЮЖНОГО КAVKAZA (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)*

Е. В. Беляева, В. П. Любин**

Аннотация. Еще недавно считалось, что ашель появился на Южном Кавказе на поздней стадии (после 500 тыс. л. н.), однако в 2003–2018 гг. Армяно-Российская экспедиция открыла и исследовала на севере Армении намного более древние ранне- и среднеашельские индустрии. Самая ранняя ашельская индустрия с грубыми рубилами, пиками и чоперами залегает в отложениях с уран-свинцовыми датировками 1,75–1,9 млн л. н., которые подтверждены палеомагнитными показателями (эпизод Олдувай). Древний возраст и своеобразные характеристики обнаруженных ашельских индустрий предполагают, что они имеют скорее местные, а не ближневосточные корни. Установлено также, что вначале ашель сосуществовал на Южном Кавказе с олдованской индустрией (Дманиси, Грузия).

Ключевые слова: Южный Кавказ, Армения, первоначальное заселение, ранний-средний плейстоцен, ранний-средний ашель.

Южный Кавказ, именуемый иначе Закавказьем, давно известен как регион, богатый раннепалеолитическими памятниками ашельского типа (рис. 1: *А*). Основная масса их сконцентрирована на Закавказском нагорье (Любин, 1984; Любин, Беляева, 2006). Эта вулканическая область является северной частью более крупного Армянского нагорья, граничащего на юге с территориями Ближнего Востока, где выявлены многочисленные и разновозрастные ашельские памятники, начиная с раннеплейстоценовой стоянки Убейдия (1,6–1,2 млн л. н.) (Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993; Bar-Yosef, Belmaker, 2011). Еще более полувека назад В. П. Любин предположил, что в раннем палеолите ашельские люди могли заселять юг Кавказа со стороны Ближнего Востока, продвигаясь через Армянское нагорье по долинам крупных рек и цепочкам межгорных котловин (Любин, 1957). Этому должны были способствовать благоприятные палеоэкологические условия рассматриваемого региона в раннем-среднем плейстоцене, а также обилие здесь лавовых и иных пород, размеры и подолочные качества которых подходили для изготовления ашельских орудий (Любин, Беляева, 2006).

Тем не менее вплоть до 80-х гг. прошлого века раннепалеолитические находки на территории Южного Кавказа были представлены только ашельскими памятниками, которые существенно уступали ближневосточным по древности. Биостратиграфические показатели и абсолютные датировки, полученные для стратифицированных памятников (Азых, Кударо I и III, Цона), указывали на среднеплейстоценовый возраст в интервале 600–300 тыс. л. н. (Величко и др., 1980; Любин, Куликов, 1991). Технично-морфологические характеристики ашельских изделий и, прежде всего, ручных рубил, обнаруженных на этих стоянках, а также на многочисленных местонахождениях (Яштух, Сатани-дар, Джрабер, Лаше-Балта и др.), позволяли относить их к позднему ашелю или, в отдельных случаях, к концу среднего ашеля (Любин, 1984; Любин, Беляева, 2004; 2006). Это вполне соответствовало установленному хронологическому диапазону и предполагало, что юг Кавказа впервые стал заселяться ашельскими людьми ближе к середине среднего плейстоцена.

* Работа выполнена в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде», а также при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-00-00592.

** Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита. E-mail: biface@mail.ru

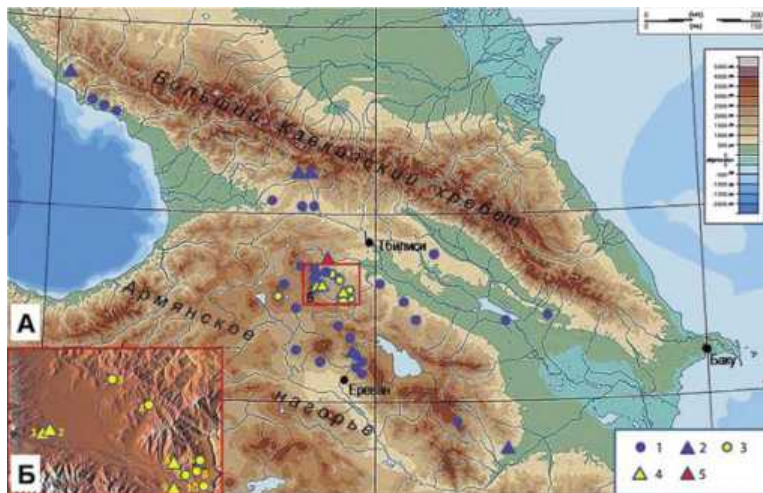

Рис. 1. А — расположение основных раннепалеолитических памятников Южного Кавказа: 1 — позднеашельские местонахождения; 2 — позднеашельские стратифицированные памятники; 3 — ранне- и среднеашельские местонахождения; 4 — ранне- и среднеашельские стратифицированные памятники; 5 — оловдованская стоянка Дманиси. Б — ранне- и среднеашельские памятники Лорийской котловины: 1 — Карахач; 2 — Мурадов; 3 — Дзорамут; 4 — Привольное; 5 — Ягдан; 6 — Ардв; 7 — Кохес; 8 — Мгар; 9 — Куртан I; 10 — Аревацар

Крупные изменения в представлениях о первоначальном появлении человека на Южном Кавказе произошли с открытием на юге Грузии раннепалеолитической стоянки Дманиси (*Djaparidze et al.*, 1989), возраст которой, установленный на основании абсолютных датировок и комплекса естественно-научных данных, составляет около 1,8 млн л. н. (*Gabunia et al.*, 2000; *Lumley et al.*, 2002). Этот памятник (рис. 1: А) содержит костные остатки ранних гоминид и каменную индустрию оловдованского типа (*Lumley et al.*, 2005). Так было установлено заселение Южного Кавказа еще в раннем плейстоцене, причем даже раньше, нежели это было зафиксировано на Ближнем Востоке и, в отличие от последнего, носителями оловдована, а не ашеля. Судя по хронологическим оценкам, оловдованская стоянка Дманиси была отделена от последующих ашельских памятников Южного Кавказа промежутком протяженностью более миллиона лет. Это заставляло думать, что проникновение в этот регион носителей оловдована было ограниченным и не имевшим продолжения эпизодом, после которого эта территория заново заселялась ашельскими людьми, распространившимися на юг Кавказа только на поздней стадии развития ашеля (*Любин, Беллева*, 2006). В то же время возникал вопрос, не являются ли хронологическая лакуна между региональным оловдованом и ашедем, а также отсутствие на Кавказе следов ранних стадий ашеля лишь иллюзиями, которые отражают недостаточность полевых изысканий.

Чтобы продвинуться в решении этого вопроса, палеолитический отряд Армяно-Российской археологической экспедиции, руководимой С. А. Асланяном, в 2003 г. приступил к поискам раннепалеолитических памятников в Лорийской межгорной котловине на севере Армении (рис. 1: Б). Этот район был выбран как наиболее перспективный благодаря обилию вулканического сырья и близкому соседству с той областью Грузии, где находится стоянка Дманиси. За первые три года работ в Лорийской котловине удалось открыть около трех десятков поверхностных местонахождений с разновозрастными ашельскими изделиями, расположенных преимущественно в предгорной полосе Джавахетского вулканического хребта, который ограничивает котловину с запада. Среди находок преобладали типичные для позднего ашеля региона уплощенные бифасы, часто оформленные на отщепе, а также левалуазские сколы и нуклеусы из местной гиалодацитовой лавы (*Асланян и др.*, 2007). Культурный слой с такой

индустрией был обнаружен и изучен на стоянке Дашгадем 3 (Колпаков, 2009). Наряду с позднешельскими изделиями в руслах ручьев периодически встречались изделия более архаичного облика: изготовленные из риодацита массивные и грубо оббитые рубила, кирковидные орудия (пикки) и чоперы на обломках породы. Это свидетельствовало о наличии в данном районе отложений с более древними ашельскими индустриями и побудило к их специальному поиску в карьерах и обнажениях террас. К настоящему времени в Лорийской котловине открыты уже шесть местонахождений и четыре стратифицированных памятника с индустриями ранних стадий ашеля (рис. 1: Б). Материалы, которые наиболее значимы для обсуждения вопросов первоначального заселения Южного Кавказа, доставили памятники Куртан I, Карахач и Мурадово (Любин, Беляева, 2010; Беляева, Любин, 2012; 2013; 2014).

Карьер Куртан I (~1300 м над ур. м.) находится в юго-восточной оконечности Лорийской котловины (рис. 1: Б), на северном склоне эоценового субвулкана Сурб-Саркис, примыкающего к Базумскому хребту. Он был заложен на берегу р. Гергер, впадающей в р. Дзорaget. В бортах карьера обнажаются рыхлые отложения мощностью от 5 до 20 м, откуда происходят ашельские изделия. Эти слои залегают на базальтах с К-Аг датировкой $2,08 \pm 0,10$ млн л. н., потоки которых распространились с Джавахетского хребта по долине Дзорaget и его притокам. Карьер вскрыл, видимо, погребенное ущелье небольшого ручья. Стратиграфическая последовательность была изучена в 2007–2009 и 2017–2018 гг. путем небольших раскопок на трех участках стены карьера, которые соответствуют тальвегу и обоим берегам предполагаемого водотока. Количество выделяемых слоев и их мощность в этих пунктах варьируют (рис. 2: А, Б), однако их корреляция позволила составить сводную колонку, включающую семь основных подразделений (Trifonov et al., 2015; Belyaeva, 2016). Под маломощным гумусом залегают три суглинисто-супесчаных палеопочвы с карбонатными стяжениями (слои 1–3, до 7 м), которые в пунктах 1 и 3 подстилаются вулканическим пеплом (слой 4). Датировка этого пепла уран-свинцовым методом (SIMS U-Pb) показала возраст $1,432 \pm 0,028$ млн л. н. (Presnyakov et al., 2012). Нижнюю часть разреза образует

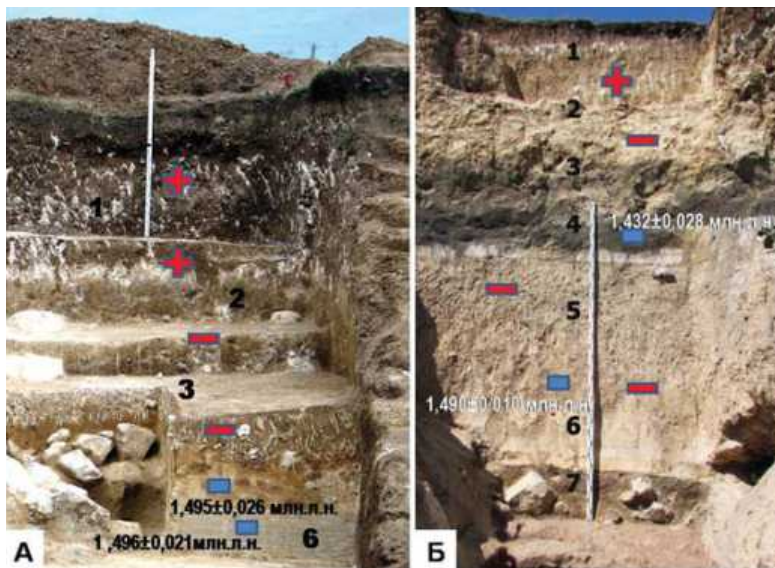

Рис. 2. Куртан I. Разрез отложений. А — пункт 2. Б — пункт 3. Красные значки — палеомагнитные показатели; синие значки — абсолютные датировки

толща туфогенных и пемзовых песков (слои 5–6, до 8 м). Для верхнего горизонта пемзовых песков имеется SIMS U-Pb даты $1,495 \pm 0,026$ и $1,496 \pm 0,021$ млн л. н. (*Presnyakov et al.*, 2012), также $^{39}\text{Ar}/^{40}\text{Ar}$ дата $1,49 \pm 0,01$ млн л. н. (С. Нупек, pers. com.). В пункте 3 (рис. 2: Б) под слоем 6 прямо на базальтах обнаружена еще одна палеопочва (слой 7).

Ашельские изделия найдены в основном в слоях 1–3 (палеопочвы), раскопанных в пункте 2 (рис. 2: А). Палеомагнитный анализ показал, что в нижнем горизонте слоя 2 происходит смена нормальной полярности на обратную, т. е. переход от современной эпохи Брюнес к эпохе Матуяма, датировемый 0,78 млн л. н. Это предполагает, что три верхние палеопочвы Куртана I формировались в конце раннего — начале среднего плейстоцена. Такой оценке соответствует и облик коллекции изделий из слоев 1–3 (204 экз.), среди которых как пики, чопперы и грубые бифасы, так и небольшие орудия на отщепках и реже — на плитчатых обломках породы (рис. 3: 3–8). Особого внимания заслуживает удлинённый копьевидный бифас из слоя 2 (рис. 3: 6), ближайшие аналоги которого обнаружены среди бифасов

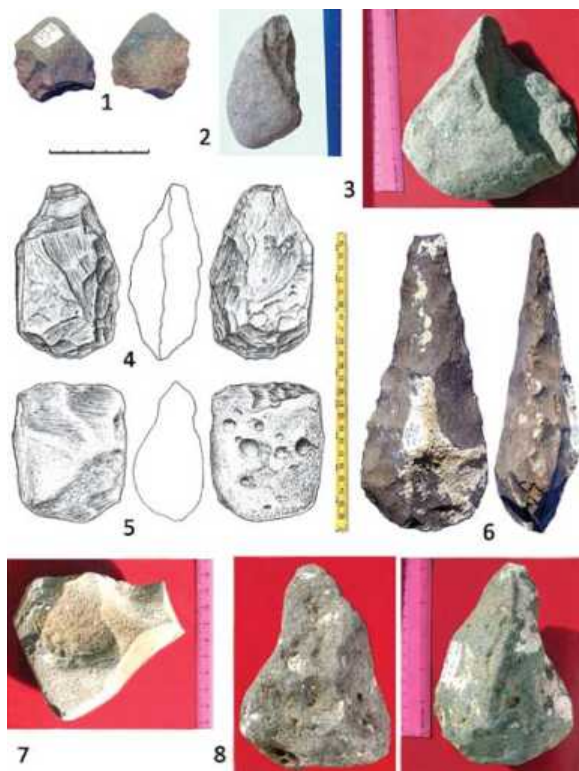

Рис. 3. Куртан I. Образцы изделий:

1–2 — слой 7 (пункт 3); 3–8 — слой 1–3 (пункт 2). 1 — отщеп; 2 — скребло; 3 — массивный острие; 4 — рубило с обушком; 5 — чоппер; 6 — копьевидное рубило; 7 — нуклеус; 8 — пик

сирийской стоянки Латамна (Clark, 1967), имеющей возраст около 0,7–1,0 млн л. н. (Bar-Yosef, Belmaker, 2011). С учетом всех данных можно определить эту индустрию Куртана I как переход от раннего к среднему ашелю. Более древняя индустрия, представленная пока лишь единичными изделиями (отщепы, пиковидное орудие, скребло), обнаружена в слоях 5 и 7 (рис. 3: 1–2). Возраст находок из этих слоев, судя по датировкам перекрывающего пепла (слой 4) и разделяющего их слоя 6, составляет около 1,5 млн л. н. и более. Количество изделий пока недостаточно для уверенной атрибуции типа этой индустрии.

Карьер Карахач (около 1800 м над ур. м.) расположен в юго-западной части Лорийской котловины у подножья Джавахетского хребта (рис. 1: Б). Северо-западный борт карьера имеет высоту до 17 м, а юго-восточный, прорезавший более низкий участок склона, — до 10 м. В верхней части стен обнажена супесчаная толща с разноразмерным обломочником, обозначенная как пачка I, а нижнюю половину образует сцементированный пепел с пирокластами (туф) — пачка II (рис. 4: А) (Trifonov et al., 2015). Первые изделия из андезита и дацита, в том числе 3 чоппера, протобифас, скребки и комбинированные орудия, были найдены в 2006 г. при осмотре осыпей низов туфового слоя. С 2010 г. начались раскопки, которые в разные годы велись в семи пунктах. В трех из них изучался туфовый слой, доставивший более 350 изделий, а в прочих — пролювиальные отложения обнаруженной под ним пачки III (Trifonov et al., 2015), где были найдены более 3000 артефактов. Большинство этих находок происходит из раскопа 2 (рис. 4: А) у юго-восточной стены карьера, где пачка III была вскрыта на глубину 8,2 м (рис. 4: Б). В кровле этой пачки залегают маломощные палеопочвы (слои 1–2), слой 3–6 (до 2,5 м) представляют собой коричневато-серые супеси с галькой, гравием и отдельными валунами.

Рис. 4. Карахач. А — пункт 2. Стратиграфическая последовательность отложений. Б — пункт 2. Разрез отложений пачки III в основном раскопе. Красные значки — палеомагнитные показатели; синие значки — абсолютные датировки

Ниже залегают пеплы с супесчаной линзой (слои 7–9), под которыми находится мощная галечно-гравийная толща (до 2,2 м) с супесчаным заполнителем и линзой пепла внутри (слой 10). Этот слой налегает на тонкую палеопочву (слой 11), под которой вновь начинаются галечно-гравийные отложения (слои 12–14).

Судя по данным палеомагнитного анализа (рис. 4), основная часть пачки I и вся пачка II (туф) демонстрируют обратную полярность, т. е. относятся к эпохе Матуяма (2,6–0,78 млн л. н.). Вся пачка III имеет положительную полярность. Датирование уран-свинцовым методом (SIMS U-Pb) пяти образцов из нижней части туфа, который перекрывает пачку III, показало возраст в диапазоне от $1,75 \pm 0,02$ до $1,944 \pm 0,046$ млн л. н. Пролет пепла в средней части пачки III (слой 7) имеет дату $1,947 \pm 0,045$ млн л. н. (Presnyakov et al., 2012). С учетом положительной полярности пачки III это означает, что она должна в целом соответствовать выделяемому внутри эпохи Матуяма эпизоду прямой полярности Олдувай (1,95–1,77 млн л. н.). Небольшое превышение возраста туфа и пепла над верхней хронологической границей эпизода Олдувай объяснимо тем, что между кристаллизацией в магматической камере удлиненных цирконов подпризматической формы, использованных для датирования, и извержением магмы существует временной интервал, который порой достигает 0,1 млн л. н. (Presnyakov et al., 2012). Таким образом, можно уверенно заключить, что верхи пачки III датируются концом эпизода Олдувай (~1,77 млн л. н.), а образование вышележащей пачки II (туф) началось вскоре после его завершения. Нижним пределом возраста пачки III можно считать К-Аг дату $1,87 \pm 0,10$ млн л. н., полученную для андезитово-базальтового потока, который обнажен ручьем ниже по склону и, вероятно, подстилает эту пачку (Trifonov et al., 2015). В отложениях Карахаца не сохраняется фауна и пыльца, но в палеопочвах пачки III удалось найти большое количество фитоцитов — окаменевших остатков растений. Их состав указывает на субтропический климат (А. А. Гольева, личное сообщение), который реконструируется и для стоянки Дманиси (Gabunia et al., 2000; Messager et al., 2010), также относимой к эпизоду Олдувай.

Литологические характеристики пачки III говорят о водных процессах, но наличие линз и горизонтов палеопочв предполагает их переменный характер. Изделия этой пачки также испытали воздействие воды и едва ли залегают *in situ*, однако их концентрация в раскопе 2, а также средняя или слабая окатанность большинства находок говорят против дальних перемещений. Как и расположенный неподалеку памятник Мурадово (рис. 5: А), Карахач представляет собой не стоянку, а местообитание, т. е. обширный участок рельефа, так или иначе использовавшийся человеком. В случае Карахаца это местность под скалистым склоном, куда стекали ручьи и микросели и сносились обломки давовых пород. Изготовленные и оставленные в этом месте изделия систематически попадали в эти наносы, вместе с которыми они могли преотлагаться в периоды активизации водотоков и селей. Между ними были, видимо, периоды более спокойного осадконакопления со стабилизацией рельефа, благодаря чему внутри пролювиальных слоев сохранились палеопочвы и линзы пепла. Судя по присутствию находок в низах туфа (пачка II), человек мог периодически жить в этом месте и в начальный период активизации вулканизма.

Основная часть находок из пачки II (342 экз.) происходит из шурфа 3, который вскрыл около 1,5 м туфовой толщи. Преобладают орудия, а продукты расщепления составляют лишь 6 %. Большинство орудий, изготовленных чаще всего из уплощенных обломков андезитово-дацитовидной породы, имеет небольшие размеры. Они включают в основном различные острия, скребла, долотовидные орудия и скрепки. В состав крупных орудий (около 10 %) входят бифасы, чопперы и пиковидные формы. В пачке III найдены ашельские изделия, изготовленные из риагита и риодацита, основная часть которых (2963 экз.) происходит из раскопа 2 (рис. 4). Изделия залежали во всех уровнях, кроме слоев 1 и 5, и представляют собой единую индустрию (рис. 6: 1–5). Продукты расщепления составляли лишь около полутора процентов, а остальные — орудия, изготовленные из природных плиток или режы — обломков валунов. Естественная плитчатая форма большинства заготовок и их нередкая слоистость повлияли на оформление орудий (кругая и полукруглая краевая обковка краев, утончение сколами, направленными вдоль слоев породы, двоякопосекое поперечные сечения, геометризованные очертания, пространственность обухов и т. п.). Среди макро-орудий (около 11 %) имеются пики и пиковидные орудия, грубые рубила, а также разнообразие чопперы и макро-ножи. Прочий инвентарь включает мелкие и средние острия, скрепки, скребла, комбинированные и долотовидные формы. Раннейлеистоцевоый возраст индустрии пачки III, как и состав индустрии, позволяют определить ее как ранний ашель. Индустрия из низов туфа (пачка II) ненамного моложе. Она имеет сходство с нижележащей по отдельным типам орудий, но отличается малой долей крупных орудий и большей долей продуктов расщепления. Возможно, это результат трансформации более ранней индустрии во времени в связи с адаптацией к несколько иному виду сырья.

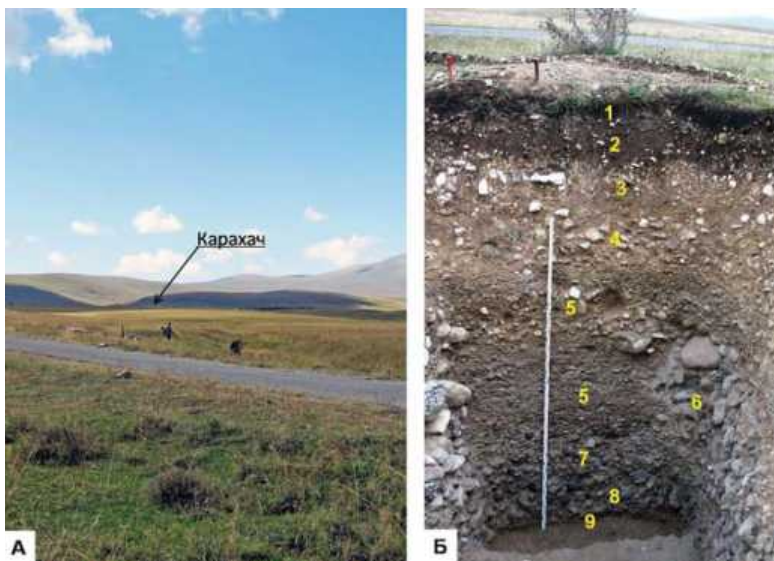

Рис. 5. Мурадово.

А — общий вид на памятник. Стрелка указывает на местоположение Карахача. Б — разрез отложений Мурадово

Памятник Мурадово (1649 м над ур. м.) расположен на террасе ручья, сбегающего с юго-восточной оконечности Джавахетского хребта, в 3,5 км к востоку от Карахача (рис. 5: А). В результате раскопок, проводившихся в 2005–2012 гг., были вскрыты отложения мощностью около 7 м, которые подразделяются на 9 слоев (рис. 5, Б). Датировать эту колонку отложений естественно-научными методами пока не удается, однако она ценна тем, что содержит явно разновозрастные ашельские индустрии. В слоях 1–2, которые являются горизонтами голоценовой почвы, залегают переотложенные изделия из гиалодацита (плоские бифасы, леваллуазские сколы и нуклеусы), облик которых типичен для позднеашельских индустрий Закавказского нагорья. Слой 3 — это рыжеватоый суглинок, представляющий собой плейстоценовую погребенную почву. В нем содержатся гиалодацитовые изделия с сильно выветренной поверхностью, в составе которых нелеваллуазские продукты расщепления (25 экз.) и орудия (60), включающие пять небольших рубил, два чоппера и три пика. Большинство мелких орудий (скребла, скребки, клювовидные) оформлено на отщепях, но порой заготовками служили небольшие плитчатые обломки гиалодацита. Эта индустрия имеет сходство с индустрией из слоев 1–3 Куртана I, которая была отнесена к концу раннего — началу среднего ашеля.

Слой 4–5 и 8–9 — это супеси с галькой, гравием и отдельными валунами, а слой 6 состоит из пела с окатанным обломочником. По литологическим характеристикам данные отложения напоминают пачку III Карахача. Ашельские изделия из слоев 4–9 Мурадово окатаны в основном в средней или слабой степени, но не имеют сильных повреждений. Они не залегают *in situ*, но не были перенесены издалека сильными потоками. Судя по тому, что рельеф долины ручья в районе Мурадово имеет вид котловины, а в нижней части разреза есть следы небольшого русла, в период накопления этих слоев люди жили, вероятно, на берегу палеозера и впадающих в него ручьев. Продукты расщепления в слоях 4–9 очень редки. Преобладают орудия, изготовленные преимущественно из плитчатых обломков не встречавшегося выше сырья (риодацит, реже андезит и долерит). Индустрия (900 экз.) выглядит единой, хотя в нижних уровнях формы и обработка орудий представляются несколько более грубыми. В составе

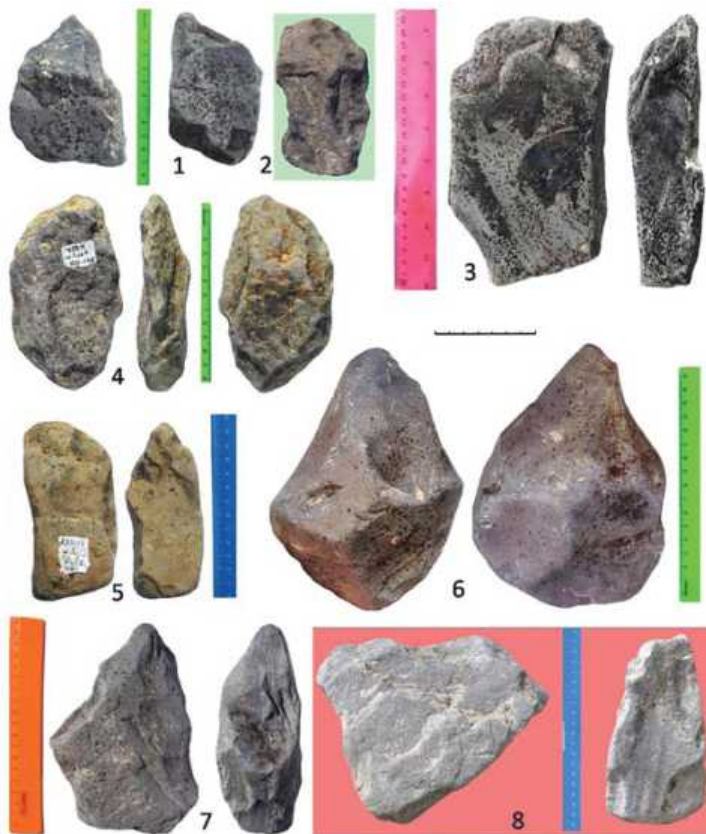

Рис. 6. Образцы макро-орудий:

1–5 — Карахач; 6–8 — Мурадово. 1, 6 — пики; 2 — струг; 3, 8 — чопперы; 4, 7 — рубила; 5 — долото

макро-орудий (рис. 6: 6–8) преобладают чопперы, пики и грубые рубила. Встречаются также пиковидные рубила, нуклеидные скребки, макро-ножи. Мелкие орудия представлены преимущественно скребками, скребками, остриями, комбинированными и долотовидными орудиями. Состав орудий в целом аналогичен таковому в индустрии пачки III Карахача, причем сходство прослеживается и по наличию в обоих памятниках целого набора специфических типов (подпрямоугольные и веервидные чопперы (рис. 6: 3, 8), брусковидные долота (рис. 6: 5), макро-ножи — «топорики» и др.). Налицо совпадение по характеру сырья, заготовок и по приемам оформления орудий. Таким образом, слои 4–9 Мурадово сходны с пачкой III Карахача как по типу отложений, так и по технико-морфологическим характеристикам изделий, что позволяет говорить об их близком возрасте. Эта индустрия Мурадово также может быть определена как ранний ашель.

Помимо описанных памятников грубые рубила, пики, чоперы и долота, включая упомянутые специфические типы этих орудий, встречены еще в ряде пунктов Лорийской котловины (Дзорамут, Привольное, Ягдан, Мгарт, Кохес, Аревацаг, Ардви). Первые находки подобных орудий сделаны и к западу от нее — в Верхне-Ахурянской котловине (пункт Джрадзор) (Беляева, в печати). Хотя эти памятники ограничены относительно небольшой территорией, их плотность говорит о том, что в раннем плейстоцене и начале среднего плейстоцена носители ашельских индустрий активно обжидали вулканические области Южного Кавказа. Более того, индустрии ашельского типа распространились в то время и на Северный Кавказ, о чем свидетельствует группа памятников на Тамани (Щелинский, 2014; 2017) и стоянка Кинжал на Ставрополье (Любин, Беляева, 2006). Есть все основания рассчитывать, что по мере продолжения исследований Армяно-Российской экспедиции будут выявляться все новые стратифицированные памятники этого неизвестного до недавних пор пласта ашельских индустрий, который отражает заселение Южного Кавказа в раннем плейстоцене. Можно надеяться и на открытие новых памятников с оловяном, носители которого, судя по стоянке Дманиси, соседствовали на Южном Кавказе с ашельскими людьми на начальном этапе заселения данного региона.

Ранне- и среднеашельские памятники, обнаруженные в результате работ Армяно-Российской экспедиции позволили не только намного удвинуть время появления там подобных индустрий, но и по-новому взглянуть на их формирование. Сравнение этих индустрий с ашелем Ближнего Востока показывает, что они существенно отличаются по набору используемого каменного сырья, технико-морфологическим показателям и направлению эволюции. С другой стороны, наблюдаются некоторые черты преемственности между ранними и поздними стадиями развития ашеля на Южном Кавказе (Беляева, Любин, 2014; Беляева, 2018). Это позволяет полагать, что ашель Южного Кавказа формировался в основном независимо от ашеля Ближнего Востока, но не исключает возможности некоторых связей между ними в результате межрегиональных миграций. Специфика южнокавказского ашеля складывалась, видимо, благодаря особенностям местного вулканического сырья. Появление ашеля в этом регионе около 1,8 млн л. н., т. е. ранее, нежели это известно на Ближнем Востоке, порождает вопрос о происхождении его носителей и о предковых индустриях, который должен быть исследован в ходе дальнейших изысканий как на Южном Кавказе, так и на сопредельных территориях.